

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

**Сквозь
високосный год**

ПОЭТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ
КНИГА ПЕРВАЯ

Сергей Виноградов
Сквозь високосный год.
Поэтические хроники.
Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17804691
ISBN 9785447461256*

Аннотация

В сборнике собраны стихотворения, написанные в 2016 году, а также переработанные автором стихи прошлых лет, ранее не публиковавшиеся. Их жанр весьма разнообразен: любовная, гражданская, философская лирика, юмористические и шуточные стихи, басни и пародии, в которых выражено личное отношение автора к текущим событиям нынешнего високосного года.

Содержание

Пришла зима	7
Поседели берёзы	9
Последнее признание	12
Вакханалия зимы	13
Разлучница моя	15
Я иду по январю	17
Утки	19
Кто – он	20
Поездка в Петербург	22
Проклятые дни	24
Вий	26
Мой дом	28
Поэты	29
Вопросы совести	31
Повезло	33
Без меня	35
Страна великих чудаков	37
Мороз	39
В тот день	40
Баллада о вожде	42
Берёзовые сны	45
Моя императрица	46
Что там за краем	48

На Ладогe	50
Снег	52
Семья	53
Понедельник	55
Первая оттепель	56
Стареем мы	58
Грипп	59
Брат	61
Праздник без тебя	63
Влюблённый Рафаэль	64
Судьба	65
Высоцкий	66
Окуджава	67
У каждого свой путь	68
История любви	70
Скрипка Паганини	71
Шерше ля фам	73
Издержки революции	75
Коля Нема	77
Конец января	80
Фантазии	81
Волчий аппетит	83
29 февраля	85
Блажен, кто верует	86
Любви метаморфозы	88
Возвращение	90

Кукушка	92
Любовница	93
В горах	95
Тмутаракань	97
Грусть	99
Три минуты	100
На Синявинских высотах	102
Тёмная ночь	104
Бомжи	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

СКВОЗЬ ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Поэтические хроники.

Книга первая

Сергей Виноградов

Фотограф Сергей Виноградов

© Сергей Виноградов, 2017

© Сергей Виноградов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-6125-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пришла зима

Такой зимы мы ждали много лет,
Но вновь не оправдались ожидания.
Мороз за тридцать. Снега почти нет,
Но есть зато – фигурное катание!

Вмиг превратились улицы в каток —
Нам лишь коньков сегодня не хватает...
Какое удовольствие зато!
Но о тепле народ уже мечтает.

Увы, народу не нужна зима...
Народу подавай обратно лето
В его насквозь промёрзшие дома.
Ему же потерпеть чуть-чуть советуют...

Но до весны ещё так далеко —
Ещё январь во всю не разгулялся...
Сидеть и просто мёрзнуть – нелегко.
Я ждать тепла с народом не остался.

Я настежь свои двери распахнул
И в мир шагнул морозный настоящий,
Как будто в детство сам себя вернул,
Чтоб надышаться воздухом звенящим

Как в том давно забытом январе...
Мороз и солнце! Что за чудный день!
Похоже, всё сошлось в календаре...
Оставьте же в квартирах ваших лень!

А что мороз? На то ведь и зима...
И пусть она вас больше не пугает,
Да и погода не сошла с ума —
Скорее те, кто так её ругает...

...Когда-нибудь потом на склоне лет
Когда зима такая же вернётся,
Прохожий, исполняющий балет,
Чему то своему вдруг улыбнётся...
Быть может, это будешь даже ты,
Сегодня отвергающий морозы.
И вместе с ними детские мечты
И чьи-то замерзающие слёзы...

Поседали берёзы

Поседали берёзы.
Только их седина
Лишь причуды природы,
А не чья-то вина.
Им, берёзам, неведом
Человеческий страх,
И не мучает совесть
Их в берёзовых снах...

Они даже не знают,
Что вдруг стали седыми,
Потому что весной
Будут вновь молодыми.
Ну, а мы не берёзы,
Мы обычные люди.
Мы с тобою седыми
Навсегда теперь будем...

Но пенять на природу
Нам с тобой не к лицу —
Наша долгая жизнь
Подошла уж к концу.
Ну, а в ней было всё:
И надежды и слёзы,

И часы ожиданий,
И вот эти берёзы...

Мы с тобою под ними
Упивались любовью,
Как берёзовым соком,
Перемешанным с кровью
Молодой и горячей.
Молодой и горячей —
Просто мы не умели
В наши годы иначе...

Просто мы не умели
По-другому любить,
И когда отлюбили,
Не смогли позабыть
Вкус той первой весны
У себя на губах.
И какой-то неведомый
Нам пока ещё страх...

Страх о том, что пройдёт
Это чувство когда-то.
Только кто, мы не знали,
Будет в том виноватым?
И причём здесь берёзы,
Даже пусть и седые...
И напрасные слёзы...
Где ж вы дни молодые?

Последнее признание

Холода. Холода наступили....
Вечный холод в замёрзшей душе.
Мы друг друга давно отлюбили
И про это забыли уже...

Холод в сердце. Холодные взгляды
И в словах нет ни капли тепла...
Может быть, нам его и не надо —
Всё равно жизнь к концу подошла.

Холодеют и тело и руки.
Холода. Холода. Холода...
И остался лишь миг до разлуки...
...А тебя я любила всегда!

Вакханалия зимы

Ну, вот и снова снег идёт весь вечер...
Вновь все тропинки к милой занесло
И ждёт она напрасно нашей встречи
И зря опять выходит за село...

За белой пеленой зимы проклятой
Исчезло всё – и лес и горизонт...
За что же мы пред Богом виноваты
За эту круговерть со всех сторон?

И почему он усмирить не может
Всю эту вакханалию зимы?
А может, ты испытываешь, Боже
Разлукой нас? Как долго сможем мы

Любить и ждать. И дни и даже годы,
Но ведь не век зима и этот снег.
И у природы нет плохой погоды —
Плохим бывает только человек...

...Но ждать я не хочу и мчусь я лихо
К своей любви. Ты только, позови...
Мне ангелы кричат: видали, психа!
Но ангелам не ведом вкус любви.

Разлучница моя

Зима и не зима. То лёд, то пламя,
То вдруг мороз, то дождь, что льёт с небес
Который день. Природа шутит с нами,
Хотя какой природе интерес?

Её непостоянство нам известно
К нему уже привыкли мы давно
Быть может в канцелярии небесной,
Забыв про нас, пьют ангелы вино?

У них кураж. У нас одни заботы:
В чём выходить на улицу опять
И брать ли зонт сегодня на работу,
А может валенки? Хотелось бы нам знать...

Но связи нет не только с небесами.
...И ты не отвечаешь на звонки
И ангельскими прямо голосами
Опять одни гудки. Одни гудки...

Стоим на трассе вот уже полсутки.
На трассе лёд, а впереди подъём...
Вернёмся мы, наверное, под утро,
Но если тот подъём переживём.

Мой друг «Камаз» – не хилая машина
И не в таких бывали мы делах,
Вот только жаль, нет рядом магазина,
Да и с бензином тоже полный швах...

...Зима и не зима. Но мы не в силах
Хоть матом, хоть без мата изменить
В ней ничего... А утром ты спросила —
И чем теперь смогу я объяснить

Что в той задержке я не виноватый?
Молчу как сыч. Боюсь завратиться вдруг.
Боюсь, что ты пошлешь меня обратно
В объятия нетронутых подруг...

Я иду по январю

Я иду по январю.
Чудная погода!
Я иду по январю —
В шестьдесят четыре года...
Было много январей
Тёплых и морозных,
Когда – минус пятьдесят...
Были даже грозы,
Когда зимняя гроза
Небо разрывала.
Было много январей...
Всякое бывало!

Только в каждом январе
Новый год был с ёлкой —
Радость нашей детворе.
Крики без умолка
В моих детских январях
Вспоминаю снова...
Жаль, в моих календарях
Рождества Христова
Никогда не находил
В виде красной даты...
Потому в те январь

Не вернусь обратно!

Утки

У старого моста кормили уток
И голубей нахальных прямо с рук,
Но вот однажды как-то ранним утром
Не оказалось уток наших вдруг...

А над мостом вороны да метели
Кружили лишь. И вместо речки лёд.
Знать, наши утки тоже захотели
Тепла как мы. Отправившись в полёт...

А мы весну ждать даже чуть устали
И просмотрели все свои глаза,
Но утки почему-то пролетали
Всё мимо нас в высоких небесах...

И стало пусто у моста над речкой
Такой вот в нашей жизни поворот...
Не нам судить про уток тех, конечно,
А вдруг они вернуться через год?

Кто – он

Сто лет назад в таком же январе
В сыром и неуютном Петрограде
Жил был поэт. Сидел в своей норе
Страдал и пил и жил лишь Музы ради...

А за окном серебряный был век
И снег под солнцем ярко серебрился
И был поэт тот странный человек,
А может быть, он только притворился

Что он поэт? Он в рифмах своих – Бог.
Он Ангел и Предвестник дней грядущих...
И скоро он напишет эпилог
Про всех, про нас по Невскому бредущих

Толпой слепой навстречу новым дням
И новым революциям и бедам.
Не внемлем мы пророческим устам,
Что натворим, пока ещё не ведаем...

Зря спрашиваем: кто он – тот поэт?
Он лишь поэт. К чему все разговоры
Быть может жить ему осталось лет
Всего-то лишь до выстрела «Авроры»...

А через год иль два – январским днём
Таким же, как сегодня. Днём морозным
Мы вспомним в каземате вдруг о нём,
Поверившие в Бога. Только поздно...

Поездка в Петербург

Луна поблекла с первыми лучами
Ну, вот и солнце встало за спиной
А мы, минуя знаки с «кирпичами»,
Несёмся в Петербург на выходной.

Гаишник толстый, видно, не проснулся,
И нас он явно тоже прозевал...
А я в свой Петербург опять вернулся —
И я опять его не узнавал.

Дома, дома до неба с этажами
И с тучами на крышах. Так и есть!
И бабушка с коляской с малышами
На переходе отдаёт нам честь...

А может быть, ругает нас, как может,
Что всякие тут ездят день и ночь,
Увидев наши областные рожи,
И я бы поругаться был не прочь...

С уставшими бессонными глазами
Ведь три часа дороги – не пустьяк
Мы передумать были бы и сами
Сейчас не прочь. Приехали. Под знак...

И полчаса потом мы препирались —
Штраф заплатить и сразу всем домой...
Ну, что ж они лишь к нам одним придрались?
Испортили такой нам выходной!

Проклятые дни

Ты себя не вини
Ты меня не вини
За такую судьбу
За проклятые дни...
Всё однажды пройдёт
Кто – до дома дойдёт
Ну, а нас не суди,
Тех, кто в них пропадёт...

Ведь и мы и они
Из одной все родни
Из одной все страны,
Но проклятые дни
Нас хотят поиметь
И сегодня и впредь,
Если что и дадут:
Вместе всем умереть...

Вместе рядом лежать
Под звездой, под крестом,
В неизвестности ждать,
Что нас вспомнят потом...
....А потом никого —
Ни меня, ни его —

Лишь проклятые дни
До скончания веков...

Вий

Последний год жила Россия
Как было в ней заведено,
Читала Гоголя про Вия,
А Вий был в нас давным-давно...

Ходил незримо вместе с нами
По кабакам и по бегам,
И в Первомай под красным знаменем
Врагов бить первым предлагал.

Шумела в праздники столица,
Хотя и был разгар войны.
И лица! Ах, какие лица!
И в них ни капельки вины...

А Вий вокруг ходил довольный
И всех их в списки заносил.
Ох, как им скоро будет больно!
Кричать и то не будет сил...

Пока же есть и хлеб и дело.
Пока январь. Последний год...
Но всем, как видно, не терпелось
Прибавить в будущее ход.

И всем хотелось изменений —
К примеру – нового царя...
Но тут пришёл товарищ Ленин —
Наш главный Вий. И с Октября

Что будет дальше, всё мы знаем...
Забросим Гоголя. И вот
Лишь год на новый поменяем,
Пойдём – одни на эшафот —

На нашу Русскую Голгофу...
Другие дружною толпой
В свой коммунизм за новым богом...
А мы, куда пойдём с тобой?

...Сто лет стоим на перепутье
И выбор вроде есть, и нет.
Пойдут одни – туда, где Путин.
Другие – лишь посмотрят вслед...

Мой дом

Спасибо маме с папой
За то, что я родился.
Спасибо маме с папой
За то, что пригодился
Я городу родному,
Таким, какой я есть.
За то, что город этот
И мама с папой здесь...
За то, что я останусь
С ним тоже навсегда.
Спасибо маме с папой
За лучшие года...
...Что было и что будет
Всё здесь – в судьбе моей.
Надеюсь, не забудет
В потоке лет и дней
Меня – его поэта
И город мой потом...
Ведь он не просто город —
Единственный мой дом...

Поэты

Все поэты немного пророки
И есть в них что-то от сатаны —
Им не чужды людские пороки,
Как и тяжкое бремя вины...

Потому они часто страдают
За других, тех, поверивших им,
Если в строчках своих угадают,
Когда новый разрушится Рим...

Если снова предскажут эпохе
Её скорый финал, сквозь туман...
Если скажут, что боги – не боги,
А их каждое слово – обман...

...Власть сама состоит из пороков,
Но у власти есть право решать:
Оставлять ли живыми пророков
Или, может, позволить сбежать...

Да – живые поэты опасны,
Но страшнее – те на небесах.
Они станут для всех несогласных
Вмиг святыми у нас на глазах...

...Нет, поэты совсем не пророки —
Они просто болеют душой
За страну. Ту, в которой уроки
Прошлых бед забывают порой.

Вопросы совести

Какое ты теперь имеешь право
Судить о том, что было, но прошло?
Делить людей на правых и неправых,
На тех, кто совершал добро и зло?

Их нет давно – ни красных и ни белых.
Зачем тебе их судьбы ворошить?
До прошлого тебе какое дело?
Оно ведь не мешает тебе жить?

Мне совесть задаёт вопросы эти,
А память моя словно трибунал...
Мне, правда, хорошо на этом свете,
Пока я полной правды не узнал.

А если вдруг узнаю, что с ней будет,
С бессовестною совестью моей?
И что тогда о ней мне скажут люди,
На склоне моих столь хороших дней?

А может, впрямь, я не имею права?
Но совесть почему-то вдруг молчит.
Вдруг и она от прошлого устала?
...Она же на меня донос строчит...

Повезло

Не видел я давно, чтобы так дружно
Народ наш на субботник выходил
И приглашать совсем уже не нужно...
Даёшь в стране субботник для водил!

Валит народ с лопатами и матом.
К последнему давно не привыкать...
И роет, роет, роет снег лопатой —
Своё авто не может откопать.

А снега навалило за ночь горы.
Легко и перепутать, чья гора?
Пока без драк, пока дошло до споров.
А кто забыл, куда ещё вчера

Поставил «мерседес» свой – просто курит,
А, может, ждёт, когда растает снег?
Ну, что ж, пусть ждёт. А я на этой улице
Самый, видать, свободный человек.

Хожу и наслаждаюсь красотой...
Ни руки не болят, ни голова!
Моё авто – в ремонте на постое...
И до весны в ГАИ мои права...

Без меня

Я к изменчивости мира
Отношусь вполне лояльно,
Но в подобной карусели
Как-то мне не по себе...
Я привык к стабильной жизни
Где-нибудь в деревне дальней,
К самому себе привык я
И привык к своей судьбе.
Вы меняйтесь с вашим миром,
Может, что-нибудь найдёте,
Вы меняйтесь, изменяйтесь,
Изменяйте – без меня!
А когда всё надоест вам,
Может быть, ко мне зайдёте?
Сядем вместе у камина
И тепло его огня
Вам тепло напомнит дома.
Но давно всё изменилось,
А точнее, изменили
Вы себя в себе давно...
Вы, без прошлого оставшись,
Слишком поздно спохватились.
Потому что мир изменчив.
Неизменно лишь одно —

Это Бог – создатель мира.
Так зачем его менять?
Чтоб изменчивостью мира
Слабость Веры объяснять?.

Страна великих чудаков

Жил да был на свете Чудик
В детстве весело чудил,
А вокруг смеялись люди:
Что он в этом находил?

Не заметно Чудик вырос —
Стал не чудик, а чудака.
В брюках, купленных на вырост,
Ну, ни дать, ни взять – простак...
Но не знали эти люди
Ничего про чудеса.
Он для них остался чудик —
Ненормальный – за глаза...

Ну, а он, с людьми не споря,
В мастерской своей чудил
И врагам на страх и горе
Нечто вдруг соорудил...

И однажды нечто это
Вдруг рвануло на весь мир
И стал чудик для планеты
Вмиг не чудик, а кумир...

Кто он – как-то раз спросили
У меня. А я им так:
Много чудиков в России —
Каждый первый в ней Чудак!

Ведь на них стоит Держава,
А за ней все мы – стеной...
Так, что лучше, Вам, пожалуй,
Обходить нас стороной!

Мороз

По телевизору всерьёз
Нам всё расскажут про мороз
И повторят потом раз пять:
Мороз! Всего-то двадцать пять...
Какой мороз, побойтесь Бога,
Всего лишь холода немного —
Но для страны уже беда!
Жаль, вы не знали никогда,
Что значит истинный мороз —
За пятьдесят. И не вопрос —
Как раз под самый Новый год
Во всю гулял всю ночь народ
И только утром он узнал
Мороза этого финал:
Замёрз газ в трубах. Это да!
А остальное ерунда...
А что сегодня? Минус пять?
А нам: Мороз! Кричат опять...

В тот день

В тот день он умер. Отошёл от жизни.
От революций отошёл и прочих дел.
Была зима в своём привычном виде —
Январь творил морозный беспредел.

И толп осиротевшего народа
Ещё пока не видно. Лишь в Кремле
Вожди решали чинно, благородно —
Предать ли Революцию земле?

Но партию предать и он не может.
Так пусть живёт он – смертью смерть поправ!
Родной стране бессмертием поможет,
Народную любовь сполна познав...

И лишь один усатый мысль лелеял:
Теперь он без него не пропадёт,
Уж если будет Ленин в Мавзолее —
Туда товарищ Сталин попадёт!

Всё вышло так, как новый вождь задумал.
И красный терем вырос у Кремля,
Как раз напротив нынешнего Гума...
Видать, напрасно ждёт его земля

Того кто умер в день январский давний...
Лежит всем на показ почти сто лет
Давно не человек, а просто Знамя
Побед великих и великих бед...

Баллада о вожде

Жил человек маленького роста,
Учился в школе. Задавал вопросы,
Искал пути и сам их находил...
И брали Зимний бравые матросы
И оказалось быстро всё и просто,
А маленький невзрачный человек
Из Смольного уже руководил...

Всё это будет – позже лет на десять,
Но час его покуда не пришёл,
Да и себя ещё он не нашёл,
Да и народу был не интересен...
А между тем, набрав ума и силы,
Немного полысел и постарел...
Жаль, пятый год в Женеве вместе с пивом
По молодости – просто просмотрел...

Россия пошумела, покричала,
Но без него. И спать легла опять.
Не зря же он марксизм учил на «пять»
И без неё решил – начать сначала,
Чтоб разбудить её, как раньше Герцен,
Подняв толпу – разрушить всё мечтал...
Он о России думал. Но не сердцем,

Он цифрами Россию просчитал...

И никогда не помышлял, не ведал,
А что в его – безбожника – душе?
И осенью в промёрзшем шалаше
Он план другим безбожникам поведал...
Потом был залп «Авроры» поздней ночью,
Потом экспроприации, ЧК, царя в расход
Отправил лично. Точно.
Не будет же в России врать народ...

И цифры, цифры – пирровой победы,
И беды, беды. Слёзы. Кровь. Война
Оставила свой след на век. А следом
Пошёл в стране Великий балаган...
И где же ты была, Фани Каплан,
Когда всё это и не начиналось?

А вот и Горки и он сам – усталый
От прошлых дел и будущих забот.
И тишина. Рыдающий народ...
И человечек маленький в Колонном
Лежит один. Он страшно одинок...
И даже с ним поступят незаконно,
Чтоб даже мёртвым – мёртвым быть не мог...
Оставят зреть его – в пример потомкам,
В укор другим – не верившим в Итог.

Итог же оказался предсказуем:

И маленький вот этот, человек,
Расправившийся с первыми буржуями,
Не думал их увидеть через век.
Но всё пошло не так. А он лежит,
Как и лежал, в своём костюме строгом.
Он получил сполна, что заслужил
От партии своей. Но не от Бога...

Берёзовые сны

Помнишь, в парке мы с тобой целовались,
А берёзки в парке том любовались,
И завидовали нам дружно парком
И мечтали о любви столь же жаркой...

Дело было в январе в дни морозные —
Целовались мы с тобой под берёзами...
Нам пока что ждать весны не серьёзно,
Да и мы с тобой лишь сны – тех берёзок...

Моя императрица

Январь в парадные одежды
Природу приодеть решил
И всем наряды белоснежные
К утру с метелью вместе сшил...

Берёзки стали – королевы
И клёны стали – короли,
Кусты – пажих, тоже в белом,
И все придворные Земли...

Зима весь мир преобразила
Сегодня правит бал – она.
На белый танец пригласила
Даже меня она сама...

И отказать я ей не смею
И сквозь метель я к ней лечу,
Хоть танцевать я не умею,
Но быть любовником хочу!

Она – моя императрица —
По крайней мере, дней на сто...
Зиме бы надо летом снится!
Какой красивый сон зато...

Что там за краем

У нас у каждого похожие дороги,
Но жизни колея всегда своя...
Дороги наши топчут ноги многих
И втаптывают в грязь нас почём зря...

И в нашей колее порой мы вязнем
И рвём порой сцепление с душой,
Но мы, как танки, не боимся грязи,
Тем более своей, а не чужой...

Лишь нашей колее мы доверяем,
По ней мы едем так же как живём —
То лезем в гору, то с горы ныряем,
Ну, а когда не едем — водку пьём...

Себя лишь под колёса не бросаем...
А протрезвав, опять спешим вперёд.
Мы здесь одни. И мы одни решаем,
Куда нас колея та заведёт.

А впрочем, беспокоиться не надо,
О том, что потеряем колею —
В конце её — икона и лампада
И Аллилуйю ангелы поют...

Всем, кто доедет – почести и слава
И вечный рай в конце той колеи,
Если налево ехать. А направо?
Там будет вместо рая край земли...

Поехали! Уж слишком интересно,
Что там за краем – вечность или смерть?
Но только жизнь не тронулась и с места:
Бессмертие сначала займеть

Вам надо бы – сказала жизнь смиренно —
А я всего лишь жизнь. Мой кончен путь...
– Но колею туда мы непременно
Ещё с тобой проложим какнибудь —

Моя душа сказала на прощание.
Выходит, что и ей уже пора...
Я вновь один. Коней небесных ржание...
Шум крыльев херувимов. Скрип пера...

На Ладоге

Почти зима. Год сорок первый.
Мороз. Совсем как в январе.
И караван уже не первый
Уходит в ночь к Большой земле...

А в небе «мессеры» летают
И те, кто в них сейчас сидят,
Всё видят и, конечно, знают
Кого в полуторках бомбят...

Сквозь трещины по льду и сердцу,
Врагам, и смерти вопреки,
Мы будем жить! Вы только верьте,
Сжимайте крепче кулачки!

Сквозь страх, сквозь слёзы и морозы
Придёт в Кобону караван!
...Всё это из блокадной прозы
Давно уже известно вам...

...Но в этот день победы славной
На берег Ладожский придут
Все те, кто был той ночью давней
Средь бомб в полуторках на льду.

И внуков приведут с собою,
Чтоб знали – всё им показать,
И с той же детской любовью
Спасибо, павшим здесь, сказать...

Снег

Горы снега на дворе.
Гималаи!
– Столько снега в январе
Нам едва ли
И за год перелопатить...
Может, хватит
Нам на этот снег проклятый
Жизни тратить!..
Не даёт никто прогноз
Нам по снегу...
Только лыжникам одним
В радость бегать.
А у нас, у всех авто,
А не лыжи!
В пробках мы
Торчим зато —
Злобой брызжем...
И звоним начальству вновь
По «мобиле»:
Мол, чужие КАД с утра
Всю забили!

Семья

Есть в родстве у меня
И хохлы и евреи
Близкие и по крови
И по чувству вины...
Если всех сосчитать —
Полстраны их имею
Только нет никого
Ближе – кроме жены...

Разбросало нас время
И проклятые войны
По стране необъятной
И всем нам не чужой...
Так и жили в России
Тихо, мирно, достойно
Ни кому не мешая,
Как в квартире большой...

Никому не писали,
Никого не искали
Имена и фамилии
Позабыли давно...
Уходили на небо,
А они и не знали,

Значит, встретиться нам,
Было им не дано...

Распадается мир наш
На частицы и атомы
И когда-то замкнётся
Вечный круг бытия...
Так давайте не будем
Мы считать виноватыми
Ни себя, ни других —
Все мы с вами – семья...

Понедельник

Перегаром бензиновым отрыгают дороги.
Сразу видно, что был у страны выходной...
Ну, а вы, что хотели? Мы ведь люди – не боги,
Мы садимся за руль, выпив не по одной!

Понедельник всегда день тяжёлый для Бога —
Успевают едва на Земле отпевать
Тех, кто выбрал вчера прямо к Богу дорогу,
Или просто решил у него побывать...

Ну, а мы по обочине что-то тихо плетёмся,
Не угнаться, похоже, нам за жизнью с тобой...
Только ты мне в ответ: мы же к Богу не рвёмся,
И не пьём, как они за удачу, с судьбой...

Первая оттепель

Январь вдруг вспомнил о весне
И ночью чудо совершил-
Висят сосульки на окне...
Видать, погреться сам решил!

И первой оттепели рад
Народ, уставший от зимы...
На улицах сплошной парад
И вместе с ним, конечно, мы

По первым лужицам идём
И даже дождь не раздражает,
Но это только этим днём,
А завтра, праздник завершая

Уйдёт январь. Февраль придёт
И возвратится всё обратно —
На крышах снег. На лужах лёд
И даже думать страшновато

О том, что ждут нас впереди
Ещё февральские метели
Или февральские дожди
Четыре с хвостиком недели...

Стареем мы

В понедельник нагрянул февраль
С неразлучной подругой метелью
И чуть-чуть похудел календарь,
Как и год, на четыре недели...

На четыре недели и мы
Постарели, подруга, с тобою...
Ты сказала: на месяц зимы!
Я с тобой согласился: тем более!

Быстро в старости годы идут,
Ну, а дней мы и не замечаем.
Был январь где-то рядышком тут,
А сегодня февраль уж встречаем...

Но пока у нас повода нет
Для февральской тоски и печали.
Лучше я прочитаю сонет,
Как с тобой мы зимой повстречались.

Грипп

Год обезьяны подложил свинью,
А вроде начинался так прилично...
Ругается народ: ну, мать твою!
Толпясь с утра в метро своём столичном.

Опять повсюду вводят карантин
Такая невесёлая картина!
Год високосный! Что же мы хотим —
Судачат старики у магазина...

Зима. И грипп пришёл очередной.
Вот невидаль, да каждый год такое,
Когда зимой, бывало и весной,
Такое время подлое, сырое...

Все разговоры только лишь о нём —
О гриппе свинском. Надоело даже.
Мы с Фомичём напьёмся белым днём
И той свинье себя ещё покажем.

И всем докажем: истина в вине!
Но почему спешат все к фармацевту,
Как этот гражданин: настойки мне!
— А алкашам сегодня по рецепту!

Такие вот унылые дела:

Все лечатся от гриппа, как умеют...

Всё потому, скажу вам не со зла —

Врачи для нас давно не Панацея...

Брат

Где теперь ты братик, брат?
Почему всё так случилось?
И кто в этом виноват
Был, когда мы были живы?

Нет, конечно, я живой!
Как живу? Так, понемногу...
Ну, а ты, надеюсь, свой
Путь нашёл, конечно, к Богу...

Много выпито вина
Было вместе за те годы
Пока правил сатана
В душах наших. Но невзгоды

Кто-то смог преодолеть —
Что вполне было разумно...
Кто-то смог лишь умереть
От своей тоски безумной...

Бог решил, что я вторым
Буду в том семейном списке...
Поздним вечером сырым
Первым ты в свой путь неблизкий

От меня навек ушёл.
Даже и не попрощался...
А вопрос наш не решён:
Первым кто и где сломался?

Праздник без тебя

Я тебя приглашаю сегодня мой друг на мои именины,
Посидим, погрустим, посмеёмся, поплачем чуть-чуть
И вина по чуть-чуть, а потом будем чай пить с малиной,
Много думать о том, что прошло и что надо вернуть...

Просидим до утра у камина, как было когда-то,
И мечтать про себя будем как нам всё снова начать,
И смотреть друг на друга, улыбаясь чуть-чуть виновато,
И молчать очень долго и душою неслышно кричать...
А потом ты уйдёшь, и закончится праздник так быстро,
А потом я тебя провожать, как тогда, не пойду...
И погаснут в камине надежды последние искры
И тебе на прощание с неба не сорву я звезду...

Я тебя приглашаю сегодня мой друг на мои именины,
Хоть и знаю, что ты никогда больше в дом мой,
Увы, не войдёшь
И не будешь, как было когда-то,
Вино пить со мной из малины,
Но другого такого ты себе, как я был, не найдёшь...

Влюблённый Рафаэль

Закатилось вновь солнышко наше за далёкие сосны.
День, уставший за день, снова тихо отходит ко сну,
Оставляя на завтра нерешённые мною вопросы,
Оставляя мне на ночь в утешение эту весну...

Молодую, красивую, тёплую, как была ты когда-то,
Только мне утешения с ней не найти, не найти.
И в весну ту свою и к тебе я хочу вновь обратно,
Ну, а мне предлагают с этой новой куда-то пойти...

Но в любовницы мне или в судьи весны той не надо.
Пусть ласкает она тёплым ветром других в эту ночь,
Тех, кто будут весне этой,
Словно девушке первой, так рады,
Что, познав поцелуй, за него умереть уж не прочь...

Ну, а я, как-нибудь, дотерплю до утра, до рассвета
И один без тебя провожу ночь и встречу зарю,
И начну новый день, как и кончил, с твоёго портрета,
И прелестный твой лик наконец-то я боготворю...

Судьба

Я в конюшню Судьбы посмотреть, где стоят мои кони —
Где стоят мои годы и дни, вдруг случайно зашёл,
Но привратник седой мне сказал, что я здесь посторон-
ний.

От Судьбы я обиженный тут же на долгие годы ушёл...

Но известно нам всем, от Судьбы не уйдешь никогда ты

Когда надо она тебя сразу и быстро найдёт...

Через годы предстал перед ней я. Но в чём виноватый?

Почему мне такой вдруг достался и рок и почёт?

Но знакомый превратник почему-то меня не встречает

И конюшня пуста и не слышно в ней ржанья коней

А Судьба моя мне слишком ласково вдруг отвечает:

Милый друг, у тебя не осталось на жизнь больше дней...

Ты их все промотал по дорогам, пытаясь укрыться

От меня и себя, и оставил себе лишь мечты

И остался ни с чем и теперь тебе жизнь твоя снится,

А привратник седой, не узнал? Так ведь это же ты...

И теперь твои дни в райских кущах у Бога пасутся

И душа твоя там. И теперь мы с тобой как семья

Знаю, можно с судьбой иногда на чуть-чуть разминуться

Но с собой никогда. Не всесильная даже и я...

Высоцкий

Я гитару настрою и спою про Высоцкого песню,
Не про то как он жил, как он пел, как он пил, кем он был,
Может быть, вам узнать и об этом теперь интересно,
Но я песню спою лишь о том, как он жизнь любил...
Он давно в небесах. Может с Богом давно подружился.
Но про нас не забыл. И он в нас, как и прежде, живёт
На порочной земле от безмерной любви чуть не спился...
Всё проходит – и жизнь и любовь. А Высоцкий – поёт!
Баритон его хриплый день и ночь в нашем бренном эфире,
На могиле цветы и поклонниц великая тьма...

Он бессмертье обрёл самым первым в физическом мире —

Чином этим его удостоила Вечность сама...

Надо так жизнь любить, чтоб до смерти ей всей отдаваться
И спектакль не играть, не игратья, а жизнь свою жить,
Так, чтоб в душах чужих навсегда своим парнем остаться,
Не бояться уйти, не бояться со смертью дружить...

Много песен уже про него я за годы те слушал,
Пока мы без него. Нет, не правда, он с нами, он здесь!
Он свою и мою выворачивал песнями душу,
Потому что он в них весь Высоцкий. Как был и как есть...

Окуджава

Голос тёплый его согревал мою душу,
Когда было мне плохо, когда был одинок.
Его голос с пластинки я неделями слушал...
Было больше бы времени —
Вечность слушать бы мог.

Про бумажных солдат и про розу в стакане,
Про Судьбу и Надежду и про шар голубой...
Я не думал о том, вдруг однажды не станет
В этом мире его. Унесёт ли с собой

Свои добрые песни или здесь их оставит
Он ведь им – не певец, он от Бога поэт.
Или может кого-то за себя петь заставит,
Может, просто пластинки, но его то ведь нет!

Нет его – нет Арбата. Всё давно изменилось.
И Москва его песни здесь давно не поёт...
Ну, а мне Окуджава ночью снова приснился,
Как с гитарой своей по Арбату бредёт...

У каждого свой путь

По жизни я иду как по канату —
На первый раз я может и дойду,
Но если захочу пойти обратно,
То непременно в пропасть упаду...

Идти вперёд – закон канатоходца —
Всегда вперёд и только лишь вперёд!
Но если вдруг в лучах чужого солнца
Остановлюсь. Лишь слава не умрёт...

Но не моя. Того – кто был здесь первым
И первым тот канат преодолел...
Всю жизнь мы ходим по канатам-нервам,
Но где-то должен быть тому предел!

...Канат – всего лишь крепкая верёвка,
А я хожу по лезвию ножа...
Причём туда-сюда без остановки,
Хоть иногда под пятками душа.

У каждого свой путь и правосудие:
Кого верёвка ждёт и нож кого...
Не нам решать, кем в будущем мы будем,
А может быть не будет ничего...

История любви

Историю любви своей пишу,
Но только что-то нужных слов не нахожу,
Тех прошлых слов лишь про любовь,
Про то, как я к тебе, любимая спешу...

А вместо слов одни метели за окном
И мысли в голове лишь об одном,
О том, что ты там где-то ждёшь
И обо мне грустишь опять, моя любовь...

Историю любви своей пишу,
И от восторга я почти, что не дышу,
И кровь кипит, перо скрипит,
Но нужных слов лишь про любовь не нахожу...

А вместо них один на небе лунный лик
И я склонившийся над прозой старик...
А ты всё ждёшь, моя любовь,
Когда скажу тебе я это всё... без слов.

Скрипка Паганини

В красавице Одессе, что у моря,
Играла скрипка. И шумел Привоз...
Скрипач – одесский Паганини – дядя Моня
В последний раз сюда её принёс.

Чтобы отдать её после концерта
Какому-то барыге за долги...
Ведь говорят, что музыка бессмертна,
Но и у музыки, выходит, есть враги.

А скрипка та не пела, а рыдала,
Как – будто понимала, что к чему,
И не по-человечески страдала
По скрипачу, по Моне своему...

Божественная музыка, ей-богу,
Предназначалась Богу в этот раз,
Чтоб он услышал и помог немного
Лишь одному из миллионов нас.

Возможно, Бог и слышал всё и видел,
Но Моне Бог сегодня не помог.
Быть может, Моня, чем его обидел,
Но музыкой обидеть он не мог...

Играла скрипка, души разрывая,
И слёзы вырывая с наших глаз,
И музыка её была живая —
Про Моню и про каждого из нас...

Играла скрипка на Привозе шумном,
А по Привозу шёл двадцатый год...
И кто-то из ЧК нашёлся умный —
Того барыгу взяли в оборот.

Вновь музыка играла, но не долго,
Пока и Моню с ней не увели...
Хоть человек, конечно, не иголка,
Но Моню больше так и не нашли.

И скрипка вдруг куда-то с ним пропала...
Никто не знает и до наших дней.
Ну, а она на небесах давала
Тот прерванный концерт. И Моня с ней...

Шерше ля фам

Не зря французы говорят:
Ищите женщину. Ищите!
А как найдёте, не спешите...
(Язык французский изучите)
Шерше ля фам. Шерше ля фам!

Жаль, не сильны вы во французском,
И чужд вам, в общем-то, Париж,
Но в захолустье нашем русском
Париж увидишь, когда спишь...

Бульвар вам снится Сен-Жермен
И вы на нём – красавец русский —
Вполне приличный джентльмен,
Не говорящий по-французски...
Шерше ля фам, шерше ля фам —
А без неё хана здесь вам!

...Зачем вам, мальчики, французский,
Чтоб охладить любовный пыл?,
Особенно всем тем, кто русский
В родной России подзабыл...
Там вас не ждут, да и красавицы —
Все из Торжка да из Твери...

И мужики лишь те им нравятся,
Кто по-английски говорит!

...Не лучше ль, чем «шерше ля фамить»,
В деревню съездить в гости к маме?

Издержки революции

– Гражданочки, у нас теперь свобода!
Кричал с трибуны явный ловелас.
Но в октябре семнадцатого года
Другой ему пришёл на смену класс.

– Товарищи, долой буржуев свору!
Теперь вы все для каждого из нас...
История попёрла сразу в гору,
Когда легло полкласса на матрас.

Теперь же говорим мы про издержки
И не ищите в правде вы изъян.
Ведь было: комиссарши и консьержки
Вставали в очередь с утра к чужим мужьям...

Ведь революции нужны и командиры,
И те нужны, которых бы вели...
И вот по разрядке шли в квартиры
Чужие жёны, но не за рубли.

Не говорите: это же позорно!
Ну, перегнули кое-что в ЦК,
Ведь есть у них отдел по беспризорным
И всё, как видите, у партии в руках!

...Простите, ради бога, за издёвку,
Всё было – всё прошло. Что говорить,
Но только мне за партию неловко,
Глядишь, могли б Европу покорить...

Коля Нема

Мне сразу скажут: для стихов не тема
Писать про всяких разных дурачков,
Про тихвинского, скажем, Колю Нему...
На них не заработаешь очков,
Не заработаешь ни славы и ни премий,
Возможно Сталинских и Ленинских, даст бог...
О партии напишешь – будешь в теме!
О дурачках – не пустят за порог
Высоких, столь желанных кабинетов...
О том, что издадут – навек забудь!
Издательства – для правильных поэтов,
Но вовсе не для тех – каких-нибудь...

...А я из тех каких-нибудь, а значит,
Пора про Колю Нему написать
И выполнить поэта долг. Иначе
Никто о нём не сможет рассказать...

...Кто он, откуда, я, увы, не знаю
Как и не знал, наверное, никто.
Давно его земля от нас скрывает...
И кто он был – больной или святой?
Вопросом этим вряд ли задаются
Живущие сейчас. Для них бы он

Сегодня был лишь тем, над кем смеются...
...А он для нас был – мастер похорон —
Смерть без него, похоже, не ходила
И даже просто не входила в дом.
Он незнакомцу выроет могилу
И помянёт, конечно же, потом...
Да и на свадьбы Колю приглашали
Для жениха с невестой – это честь...
И никогда нигде не обижали —
Не в каждом городе такой блаженный есть!

Но те дела, нас, тихвинских мальчишек,
Не трогали совсем – у нас свой мир...
Мы многое о нём от взрослых слышали
А посмотреть ходили лишь в трактир,
Где он бывал – с рожденья молчаливый,
Совсем не старый и не молодой
И не несчастный. Может быть, счастливый
С улыбкой детской, скрытой бородой...
Завидев нас, он часто суетливо,
Приют трактирный тут же покидал
Был взгляд его такой наполнен силой,
Хотя в душе он, видимо, страдал.
А мы за ним с дразнилкой: Коля Нема!
А иногда и камнем по спине...
Ну а потом за это непременно
Устраивала бабка порку мне...

И много я в своём углу тех басен

Наслушался от бабки про него.
Я с бабушкой теперь во всём согласен,
Да, поступали мы не хорошо...
Но тайна Колина для нас осталась тайной.
Блажен, кто верит, что он был святой,
Забредший в мир наш, может быть, случайно...
А если он лишь человек простой?
Не уж то б в нас сочувствие исчезло
И состраданье заменило зло?
Не знаю я! Скажу об этом честно.
Быть может, Коле просто повезло
И с нашим городом и с нашей эпохой —
Родиться и прожить, как Бог велел...

...А в век наш нынешний – дебилный и жестокий
Я Колей Немой быть бы не хотел!

Конец января

У января, ну, надо же случиться,
Ринит и с крыш обильно потекло...
Ему бы отдохнуть и подлечиться,
А он размазал дождик на стекло...

И поднялась его температура —
В термометре зашкалило за ноль...
Но не поможет январю микстура,
Хотя на вид он – видно всем – больной!

А нам как быть? И вместо шапок – маски
И вместо валенок – калоши надевать?
– Товарищи! Гуляйте без опаски —
Ринит – не грипп. Не надо забывать!

Спасибо друг, а мы и, впрямь, забыли
Что в понедельник выздоровеет он...
И как? А так! Ну, нам же объяснили:
Его морозный кончится сезон!

Фантазии

Фантазии – почти уход из жизни,
Почти самоубийство для души...
Скажу по-современному: я в лизинг
Взял бы одну за русские гроши.

И выкупил её бы раньше срока
И на свободу сразу б отпустил,
Ведь от неё мне никакого прока...
За прошлые фантазии простил

Себя давным-давно. Если серьёзно —
Мечты – одно. С мечтами хоть летай!
Фантазии же – это просто грёзы,
Ну, а за ними чьей-то крыши край...

Они нам не дают ни в Бога веры,
Не позволяют верить и в себя.
Они – лишь страхи наши и химеры
И сатане какая-то родня...

Все фантазёры – дети! И заложники,
И вечные рабы чужих утех...
И лишь мечтатели сумеют невозможное:
С мечтой своей прожить счастливый век...

Волчий аппетит

Приехал Волк в Лесную Думу...
Все шепчутся: что он задумал?
Другие прямо: будет толк,
Если приехал в Думу Волк...
А кто он Волк на самом деле?
Гадали звери и галдели,
А вышел вот такой финал:
Был Волк тот —
Серый кардинал...
А кто в политике не сведущ
То поясняю сразу вам:
В лесном отделе был заведующим
По всем финансовым делам...

На самом деле был лоббистам-
Тем самым, думским – финансистом...
Решал вопросы быстро, прямо:
Давал на лапу. Но и сам он
Себе на лапу взять не прочь:
Ведь выучить бы надо дочь...
И престарелую волчицу
Отправить в Ниццу подлечиться...
А остального – всем им хватит
А если, что себе доплатят

Из своих заячьих зарплат...

И хоть не всякий Волку рад,
Но что кричите – не кричите
Здесь всё вполне демократично
В карман дают – дела идут...
А будет плохо – продадут
Чего-нибудь. Ну, скажем – лес
И сберегут свой интерес...
У нас ещё полно лесов —
А в думе хватит голосов...
...Мораль сей басни без намёков
Без поучений. Но жестока:
Умерьте волчий аппетит!
...Но кушать, кто же запретит?

29 февраля

Сказал мне друг: день нынче не из лучших!

Ну, а по мне – обычное число...

Сегодня вновь не выдал шеф получки,

Да и дороги снегом занесло...

Всё как всегда. И что в нём не обычно?

Подумаешь, число в календаре!

Есть много лишнего и в жизни нам привычной

И в марте будущем и в прошлом январе...

Зато для демографии подспорье

И для страны рабочих столько рук!

Так что, мой друг, давай не будем спорить,

А то, не дай нам бог, отменят вдруг...

У нас ведь депутаты всё умеют:

Часы переводить – вперёд – назад...

Что ты сказал? И тронуть не посмеют?

А я то, думал, ты совсем не рад...

Блажен, кто верует

Блажен, кто верует и верой той живёт,
Кто Храм душе своей давно построил...
А вот когда меня Бог призовёт,
Что мне он скажет? И куда пристроит?

Уж точно не садовником в свой сад —
Там грешного меня святым не надо.
А ведь Христос и грешникам был рад
И поднимал с земли всех тех, кто падал...

Но что-то не стыкуется во мне.
Я жить иначе просто не умею.
Так, значит, мне всегда быть в вечной тьме?
Я – человек! Но права не имею

Быть там, где все – в бессмертии своём?
Ведь сам Христос на крест взошёл за это...
Тогда пойду к Христу и с ним вдвоём
Мы разберёмся с Богом этим летом.

Но ночью ангел прилетел. Сказал: не надо
Спешить к Христу. Такой ты не один.
Дождись свой день. Тебе все будут рады,
Особенно наш Бог – мой господин...

...Видать, святоши надоели Богу,
Видать, он по поэтам заскучал...
Ну, что ж, спасибо. Поживу немного.
Тем более, я Музу повстречал...

Любви метаморфозы

Душе моей не спится по ночам,
Летает где-то, выбравшись из тела.
Вернись, душа! Я ей всю ночь кричал
Она же меня слышать не хотела...

Есть у неё, видать, важней дела,
А от меня она за день устала
И поболтать на час-другой ушла
К твоей душе. И навсегда пропала...

Сошлись в ночи две родственных души —
Моя, твоя... Среди полночной тьмы
Про нас забыв, им некуда спешить —
Они же не стареют так, как мы...

Мы в молодости нашей также точно
С тобой не расставались до утра —
Хотелось нам любви – любви бессрочной...
А мы кричим душе: домой пора!

...Ночь за окном. И отдыхает тело
От бранных дел и мимолётных грёз,
И от души, которая летела
С твоей душой там где-то среди звёзд...

Но может, и не души там летают?
Но может это мы? Как и вчера...
А души наши тоже так считают
И крепко спят в обнимку до утра...

Возвращение

Я в вокзальные двери прорываюсь как будто на волю
После долгой разлуки я в свой город обратно спешу,
Но не верят глаза, и тоска отзывается в памяти болью
От того, что я город – свой город здесь не нахожу...
Может, я перепутал и сошёл не на том полустанке,
Может мимо проехал иль мой поезд с названием «Жизнь»
Завернул не туда и не к той, как бывало порой, спозаранку
И теперь я стою и не там и негде и ору: «Зашибись»!
И никто меня здесь и не ждёт больше и не встречает,
И очнувшись от стресса, я ловлю в неизвестность такси,
Но таксист молодой город мой, к сожалению, не знает,
А ты сердце своё – мне душа прошептала – спроси...
Может сердце тебе путь в далёкое детство подскажет,
Да и память заставь вспомнить всё и себя наяржи,
Будь как в детстве своём —
Любопытным и столь же отважным,
Сбрось годов своих груз и обратно в свой город беги...
Я послушал совет и помчался в забытое детство
Вспоминать имена моих улиц исчезнувших вдруг,
Даже лица мальчишек, тех, что жили со мной по сосед-
ству,
И в чужую холодную ночь ощутил тепло маминых рук.
Этот город чужой мне моим был, конечно, когда-то,

Я его ощущаю всеми фибрами детской души. . . .
И мой город, которого нет, разве он виноватый
В том, что я возвращаться
В своё детство совсем не спешил. . .

Кукушка

Я прошу тебя, кукушка, Расскажи хотя бы мне,
Серокрылая подружка, сколько лет
Той быть войне,
На которую отправлюсь завтра я, уже с утра.
Мне годков лишь восемнадцать
Только стукнуло вчера...

Я ж за девками побегать вдоволь так и не успел,
Не успел нацеловаться, так как просто не умел...
...Но кукушка всё молчала. Что-то, видимо, не так.
Потому, что этот мальчик
Сгинет в первой из атак...

А молчать нельзя кукушке. И пора вести отсчёт
Дней кому-то, лет кому-то. Ведь надеется и ждёт
Каждый с той войны вернуться обязательно живой
С орденами, и с чинами, и с седой, но с головой...

Это ведь её работа – разгонять печаль – тоску...
И с утра до самой ночи люди слушают: ку-ку!
И всегда с надеждой верят дни и годы и века
И не только в Бога. Но и – в суеверия пока...

Любовница

Я ведь всё же мужик с нерастраченной страстью
И силой...

И любовницу я до сих пор занять бы не прочь,
Чтобы каждую ночь она тихо ко мне приходила,
А уж чем нам заняться
Мы нашли бы на длинную ночь...

Мы бы чаю попили, а потом бы стихи с ней писали
Ну, а может, болтали просто так ни о чём до утра...
А потом уходила она в свои светлые дали,
А потом снова ждал я её точно так же,
Как ждал и вчера.

Только жаль, что мы с ней
Слишком поздно смогли познакомиться,
Хотя, впрочем, об этом
Вряд ли сильно жалеет жена...
И она не ревнует, ведь подруга моя
Лишь бессонница —
Я в объятьях её нахожу всё, что надо, сполна...

И усталый, к утру с ног валюсь,
И просплю до обеда.
Но однажды, прощаясь, мне сказала она: не зови...

Я сама по себе. Захочу и приду.

Может ночью на среду...

Ну, а я в эту ночь в первый раз крепко спал.

Без любви...

В горах

Шаг за шагом. Метр за метром. Вверх.
Далеко внизу под нами кружит стерх —
Он как будто белый ангел. Ну а мы
Шаг за шагом вверх шагаем в царство тьмы...

Далеко внизу алеет край земли,
А над нами уже звёзды свет зажгли,
Осветили хоть немного нам наш путь.
Мы пройдем свою дорогу как-нибудь...

И пока Господь к себе нас не призвал —
Мы устроим нашим душам здесь привал.
Отдохнем и снова с ними вверх пойдём...
И когда-нибудь к вершине той дойдём.

И хоть знаем мы давно – там Бога нет,
Но всегда он где-то рядом – смотрит в след
И пройти нам наш маршрут помогает,
И поверить в то, что здесь – жизнь другая...

Здесь ты чувствуешь себя – полубогом...
Но обратно нам пора в путь-дорогу.
Шаг за шагом. Метр за метром. Вниз.
Там внизу, пока что наша, ждёт нас жизнь...

Тмутаракань

Мы вдоль моря идём, а вдали чуть в тумане
Древний город Тамань. Мы с тобой на Тамани.
Мы с тобой на Тамани. Мы с тобою дошли
Аж до Тмутаракани – края русской земли...

Здесь история наша – о походах бесстрашных
О победах великих и обычных делах
И о предках здесь живших и о воинах павших
О Руси православной, о Земле в куполах...

И всем нам без укора: наши предки с Боспора!
Государство Российское к нам отсюда пришло.
Можно в это не верить. Говорю не для спора,
Если что-то и было – вместе с ними ушло...

Но я знаю прекрасно – здесь была Гермонасса
И друзья мои греки до сих пор здесь живут.
И с тобой мы сегодня на земле их прекрасной.
Почему не приехать, если в гости зовут!

Мы вдоль моря идём. И Азов чуть в тумане
Тихо плещет волной под ногами у нас.
Мы с тобой на Тамани в нашей Тмутаракани.
Приезжайте и вы на Тамань, хоть сейчас...

Грусть

Расплакалась зима и я в расстройстве...
Мне грусть её понятна – сочтены
Все дни её. А я в своём спокойствии,
Как висельник – в опале у жены...

И в нас двоих такая безысходность...
Увы, зиме судьбу не изменить,
Её опала длится меньше года,
Ну, а в своей – мне лишь себя винить...

А если так, всё это не смертельно,
Всё возвратится на свои места.
Вернёшься ты с морозом и метелью
И я вернусь к кому-нибудь тогда...

Ты не грусти пока, зима, по мне,
Смахни слёзу, забудь про эту грусть...
А я вернусь, конечно же, к жене
И обязательно к тебе ещё вернусь...

Три минуты

Кто, если не ты? Кто, если не я?
Кто, если не мы? Это наша Земля.
Это наша планета. И для всех, но одна.
Тебе, мне и нам она очень нужна...

Пусть боги на небе спокойно живут,
Но вряд ли они нас к себе позовут
Всех сразу и разом – хороших, плохих,
В запасе для нас нет планеты у них....

Кто, если не мы? Кто, если не ты?
Мы Землю спасём от пустой суеты
От злобы и страха, от подленьких дел?
Иначе начнётся опять передел...

А нам до него три минуты всего
Потом ни чего. Потом ни кого.
Потом ни тебя, потом ни меня.
Лишь души летящие в чужие края...

А нам с телом бранным пора выбирать:
Бороться иль сразу нам всем умирать?
Кто, если не мы? Кто, если не мы?
Но вряд ли придут спасти нас из Тьмы...

На Синявинских высотах

На Синявинских высотах тишина
Здесь давно уже окончилась война
Здесь давно уже окончилась война
Но осталась в нашей памяти она...

Почерневшая от горя мать-Нева
И над ней родного неба синева
И над ней родного неба синева
И вокруг одна сгоревшая трава...

Он пришёл сюда с винтовкой налегке
И остался здесь на Невском пяточке
И остался здесь на Невском пяточке
Монументом тем, кто нынче вдалеке...

Монументом тем, кто там на небесах
Кто ещё лежит в болотах и лесах
Кто ещё лежит в болотах и лесах
С нескончаемой тоской в своих глазах...

На Синявинских высотах тишина
Но пока что не окончилась война
Но пока что не окончилась война
Для солдат, которых ждут их ордена...

Тёмная ночь

Тёмная ночь. Спит тревожными снами страна.

Тёмная ночь. А за ночью той где-то война.

Тёмная ночь. Ночью той даже павшие спят.

Тёмная ночь. Ты живых сбереги нам ребят.

Тёмная ночь. Ты в России всегда так темна.

Тёмная ночь. И война та тебе не нужна.

Тёмная ночь. Время песен и время любви.

Тёмная ночь. Бога в помощь себе призови.

Тёмная ночь. Расступись поскорей над страной.

Тёмная ночь. Божьим светом покончи с войной.

Тёмная ночь. Всех живых возврати в своё лоно.

Тёмная ночь. Стань, как прежде,

Подругой влюблённым...

Бомжи

Ничего не имею. Никому не обязан.
Ни к кому не привязан. И живу, как хочу.
А попробуйте вы. Но скажу я вам сразу
Через день или два – попадёте к врачу.

Мы бомжи, а не люди. Мы особая каста.
Почему нас не любят, мы и сами решим.
Нас бояться не надо, и лишь тем мы опасны,
Что порой заедают нас проклятые вши...

Но зато есть свобода и тюрьма на полгода,
Когда вновь непогода и, конечно, зима.
Мы довольные всем и судьбой и природой
И зачем нам свободным вы и ваши дома...

Но на этом же свете были мы тоже дети,
Но шпаную мы не были и нигде никогда.
И остались такими же – за себя лишь в ответе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.